

Секреты
женского счастья

П Р О З А

Веры Колочковой

В Е Р А
Калачева

Три
царицы
ПОД ОКНОМ

Р О М А Н

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Художественное оформление серии
С. Власова

Колочкова, Вера.

К61 Три царицы под окном : роман / Вера Колочкова. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-092398-4

Кабы я была царицей... Так мечтали три сестры Тамара, Соня и Вика. Только младшие могли уноситься в грезы сколько угодно, а старшая, Тамара, все свои мечты откладывала на потом: вот вырастит сестренка-сирота, тогда и заживет для себя, тогда и грезы ее начнут сбываться... И вот одна из младших сестер выдана замуж, вторая отселена в квартиру, доставшуюся по завещанию доброй старушки. Можно начинать жить для себя! Тамара дает объявление о том, что ищет мужчину для создания семьи... И вскоре весь двор уже видит ее с мужчиной под ручку. Ну что же? Наконец-то здравствуй, счастье? Или придется еще много подождать?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колочкова В., текст, 2018

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-092398-4

Вздрыгнув, Соня в который уже раз открыла глаза, вытаращила их в темноту, прислушалась. И даже голову подняла с подушки. Нет, сколько можно уже себя изводить? Все равно ж не заснешь под эту сердечную свистопляску, которую она сама себе устроила. Вон как оно, бедное, бухает в глубине организма, сотрясая его глупой мистической лихорадкой. Смешно, честное слово. Ей-богу. Со стороны посмотреть — самой стыдно. Лежит глубоко за полночь взрослая девица в своей постели, в своей почти уже собственной квартире, прислушивается к подозрительным ночным шорохам...

На кухне в этот момент и впрямь что-то пискнуло тоненько, потом заскреблось, потом прошлось легким ветром по бамбуковым висюлькам, символически отделяющим кухню от комнаты. Соня замерла, сглотнула забившееся сердце, нашарила кнопку маленького допо-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

топного ночника, сиротливо пристроившегося в изголовье. Хотя толку от него, от ночника этого... Сразу тени подозрительные побежали к окну, старинный буфет в углу высветился сердитой горбатой горою, и даже, как ей показалось, листья фикуса в кадке у окна вздрогнули в едком недовольстве — ишь, нервной какой оказалась их новая хозяйка...

Нет, не любила ее эта квартира. Не принимала никак. Отторгала всеми возможными способами. Тосковала, наверное, по прежней своей хозяйке, Анне Илларионовне, отошедшей полгода назад своей умудренной долгим земным опытом девяностодвухлетней душою на небеса. Не к месту была среди этих старых вещей Соня. Может, надо было их вынести отсюда вообще, вещи эти? Надо было, конечно, только рука не поднялась. Да и Томочка, озабоченная своей неутомимой страстью к «ничегоневыбрасыванию», ей бы этого не позволила...

Тихо вздохнув, Соня решительно откинула одеяло, прошлепала по старому, в некоторых местах совершенно уже неприлично шершавому и занозистому паркету к выключателю, зажгла большой свет. Могучая хрустальная люстра-старуха загорелась тускло и нехотя, качнулась тяжелыми, пыльно-серыми, как седые клоки волос, висюльками — так просыпается

Три царицы под окном

человек, разбуженный чужой бестактностью и явно демонстрирующий свое этой бестактностью недовольство. Соня даже улыбнулась ей навстречу просительно — извините, мол, меня, дорогая люстра, великодушно. Побеспокоила вас среди ночи. А что делать? На кухне вон что-то пищит и скребется... Надо ж проверить, хоть и страшно...

На кухне, что вполне естественно, никого и не было. Расхлябанная створка форточки гуляла себе под напором августовского ветра, производя те самые попискивания и поскребывания. А может, и не от ветра она гуляла. Может, это дух усопшей Анны Илларионовны ее туда-сюда тягал, влетал и вылетал обратно, растворяясь в прохладной сырой темноте августовской ночи. Вполне может быть. Не просто ж, поди, вот так, за здорово живешь, взять и покинуть привычную территорию, на которой протекла вся долгая земная жизнь...

Перекрестившись неумело и торопливо, Соня взгромоздилась сначала на старый табурет с дырочкой посередине, потом коленкой оперлась о подоконник, притянула створку форточки на положенное место. Странно, какие высокие окна в этой квартире. И подоконники широченные. Вот у них, например, с Томочкой дома все было наоборот — протяни руку, и до-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

станешь до форточки. А о подоконниках и говорить нечего — не было их вообще как таковых и в помине. Томочка, большая любительница всяких горшочно-мещанских растений, помнится, очень всегда страдала по этому поводу...

Ну вот. Теперь, кажется, порядок. Теперь можно уснуть, наверное. Хотя сна — ни в одном глазу. Весь в мистический переполох обратился. Жаль, она курить не умеет. Можно было бы постоять у окна, красиво и грустно пуская дым тонкой струйкой на выдохе. И посмотреть в темноту печальными глазами. Как Анна Каренина, например. Хотя нет, при чем здесь Анна Каренина — она вообще опий курила, насколько ей помнится. Или не курила? Или не опий? Или просто так вовнутрь принимала, для успокоения раненой женской души? Ничего себе... Как же она не помнит уже ничего? Надо будет перечитать, обязательно перечитать...

В последнее время Соня мало читала. Не удавалось как-то. Времени не было. Все заботы одни — то переезд от Томочки сюда, в эту «нехорошую» покойной Анны Илларионовны квартиру, то сессия в вечернем институте, на которую, как обычно, с работы не отпустили, то еще суета какая-нибудь, жадно забирающая драгоценное «читательное» время. Не люби-

Три царицы под окном

ла она эту суету. Будь ее воля, так бы и сидела с книжкой в обнимку там, за шкафом, в их старой однокомнатной квартире. А Томочка, укладываясь спать, ворчала бы себе уютно, проклиная свою несчастную сестринскую судьбу, подсунувшую ей на руки после смерти матери двух сестренек-малолеток — ее, стало быть, Соню, да младшую, Вику... И еще, мол, что она, Соня, как есть вся в мать пошла — сроду сама себе судьбы не устроит, а только и знает, что в книжку пялиться, и все-то на ней, бедной Томочке, в доме держится. А потом, зевнув и вздохнув устало, уже из-под одеяла, Томочка бы обязательно добавила — хорошо еще, что, мол, Вика свою судьбу довольно самостоятельно соблюла — выскочила замуж хоть и за придурка, но зато вполне обеспеченного...

Взглянув на старые кухонные часы-ходики, Соня всполошилась — ничего себе, три часа уже! Спать всего ничего осталось! До работы ей теперь далеко добираться, вставать надо ни свет ни заря...

Однако, как она ни старалась, сон не шел. Наоборот, очень захотелось похныкать, оплакать как-то свое самостоятельное одиночество, приспособиться к нему, попробовать на соленый вкус. Отметить, одним словом. Другие отмечают начало самостоятельной жизни

ВЕРА КОЛОЧКОВА

шампанским, а она вот так — слезами. Какая разница, как отмечать? Она ж не горько будет плакать, а так... чуть-чуть. Горько ей нельзя, иначе ангел-хранитель расстроится. А он уже старенький, ему вредно.

Она и сама не помнит, откуда и когда к ней пришла такая уверенность, что у нее именно такой ангел-хранитель — старенький. Вот интересно, ангелы вообще стареют или нет? Наверное, стареют, раз она его таким себе представляла. С седыми длинными волосами, в белом рубище, с двумя унылыми, пожелтевшими от времени крыльями за спиной... Наверное, ему и поднимать-то их уже трудно, чтобы простереть над ней лишний раз. У других ангелы молодые и резвые, и распахивают свои упругие белые крылья легко и весело, защищая своих подопечных, а у нее вот такой — старенький. Какой уж достался. Зато умный! И глаза у него грустные, очень мудрые и все про Соню понимающие. Пожалуй, она даже и плакать не станет. Лучше улыбнется тихонько да за Томочку порадуется. Может, и впрямь она теперь свою личную жизнь устроит?

Личная Томочкина жизнь была у них, можно сказать, притчей во языцех. Сколько себя Соня помнит, столько помнит и Томочкины причитания по поводу отсутствия этой самой

Три царицы под окном

личной жизни. Нет, вообще-то она их с Викой никогда ни в чем не упрекала. Ну, может, так, иногда, походя. Под плохое настроение. Даже и упреком это было назвать нельзя, она просто проговаривала вслух свои грустные мысли, и все. Она очень добрая, их Томочка. Ей, наверное, так легче было жизненные трудности переносить, грустные мысли вслух проговаривая. Она даже, бывало, и маму покойную вслух поругивала — умерла, мол, скинула мне на руки свой приبلудный выводок... Вика однажды правда возмутилась, продемонстрировала ей свое недовольство насчет «приبلудности», и Томочка очень долго удивлялась, и пожимала плечами, и обижалась совершенно по-настоящему — что я такого плохого сказала? Как оно есть, так и есть... Я, мол, законная родилась и отца своего хорошо помню, а вы как есть обе приبلудные, неизвестно от каких поэтов да писателей рожденные...

«Поэты» и «писатели» произносились Томочкой с откровенным презрением — несерьезные вроде того люди. Она и про маму так же говорила — несерьезная была женщина. Хотя и не без горечи говорила. И не без дочерней любви. Соня все равно слышала, слышала эту любовь в ее голосе! А если уж и говорить про мамину несерьезность... Ну какой такой особенной

ВЕРА КОЛОЧКОВА

серьезности, скажите, можно требовать от женщины-поэтессы? Или, вернее, от женщины, считающей себя поэтессой, что, по сути, одно и то же... Сейчас она это очень даже хорошо понимает. И журнал «Юность» с напечатанными мамиными стихами бережно хранит. И тетрадки с не напечатанными нигде стихами — тоже. Шесть толстых школьных тетрадок в ломающихся от времени коричневых коленкорových обложках. Томочка в пылу жизненного отчаяния их выбросить однажды хотела, но Соня не дала — прибрала в свое детское хозяйство. Хотя стихи, если честно, были так себе. Много любви, много горя, много страданий, много всякого женского надрыва-обреченности. Сплошные «думаю о тебе», «нет тебя со мной» да «слишком много во мне тебя». Но Соня все равно их любила — они же не чьи-нибудь, а мамыны! А фотография мамина в журнале «Юность» неудачная какая-то вышла — в глазах смертная тоска вперемишку с излишне-карикатурным (прости, мамочка!) любовным отчаянием. Очень много тоски, очень много отчаяния. Да еще и подпись — Амалия Тараканова. Ну что это за фамилия для поэтессы? Даже похвастать перед кем журналом этим неловко. По всей видимости, не везло маме с личной жизнью, как и Томочке. Хотя Томочка про нее говорит — сама виновата-

Три царицы под окном

та. И вообще, мамина жизнь — это история отдельная. Соня ее по крупицам, можно сказать, собирала, клещами из Томочки правду вытаскивала...

Сама она маму помнила плохо. Странно — она ж вроде большая девочка уже была. Восемь лет ей исполнилось, когда мама умерла — возраст для ребенка уже сознательный. И все равно не помнит... Так, обрывки какие-то несуразные зацепились в памяти. Кашель мамин помнит постоянный и надрывный, дым от сигарет... Еще платок ее помнит — темный, павловопосадский, с синими цветами по полю. И долгое стояние у окна все с той же дымящейся сигаретой. И нервный стук пишущей машинки по ночам...

А еще она помнит, как однажды ввалился к ним в квартиру веселый дядька с усами, затряс радостно перед маминым лицом этим вот самым журналом «Юность», в котором стихи ее были напечатаны. Мама схватила журнал в руки, потом заплакала, затряслась вся, обняла дядьку, поползла по нему вниз... А потом дядька долго держал Вику на коленях, улыбался умильно. И улыбка сквозь усы просвечивала ненастоящая какая-то, будто приклеенная. Потом, через несколько лет, мамы уж и в живых не было, Томочка рассказала Вике — это отец, мол, твой тогда приезжал... А Вика и не

ВЕРА КОЛОЧКОВА

запомнила его даже. Тогда, в тот вечер, Томочка их с Викой быстро собрала-одела да гулять увела. А на улице, между прочим, градусов тридцать мороза было...

Они тогда долго гуляли по стылым улицам, и вперегонки бегали, и с горки катались, и в «царицу» играли... Была у них особенная игра такая, Томочкой придуманная. Начинала ее обычно Томочка, призывно декламируя для них с Викторией первую пушкинскую строчку — кабы я была царица... Ну а дальше уже шло все само по себе, кто во что горазд. И сказочные однобокие мечтания «трех девиц под окном» про всякие там «наткала бы полотна» и «родила богатыря» послушно отступали в сторону, давая дорогу их неумным фантазиям. Вика, когда совсем маленькая была, очень хотела, чтобы ей как сказочной царице предоставили полный комплект девчачьих удовольствий — всю игрушечную витрину из магазина «Детский мир», например. Или всю тележку мороженого на улице. Чтоб было много-много. С возрастом игрушки и мороженое трансформировались уже в нечто более материально существенное, но принцип «много-много» все равно оставался неизменным. Много всякой одежды, много всякой еды, много колечек-сережек-бусиков... Томочка всегда над

Три царицы под окном

этим Викиным «много-много» подсмеивалась, ограничивая свои «царицынские» притязания «хорошим большим домиком с садиком», присутствием в нем самого царя как такового да бегающими по садику детишками. Вписывалась, можно сказать, в пушкинскую концепцию относительно девичьих мечтаний про «родила б богатыря». Хорошая бы из Томочки получилась царица. Да и из Вики по большому счету — тоже... А вот у нее, у Сони, с царскими проблемами дело обстояло гораздо хуже. Когда подходила ее очередь объявлять о своих желаниях, дальше первой фразы «...кабы я была царица» дело не двигалось. Она напрягалась изо всех сил, хлопала глазами, морщила лоб и не могла выдать ни одной, даже самой захудалой мечты. Как-то смешно было мечтать о вещах да вкусностях, о копченой колбасе, например, или о торте «Наполеон», и уж тем более — о хорошем большом домике. Она и сама не знала, о чем мечтать. О таком, чтоб можно было в руках подержать да глазами увидеть. Зачем его держать и видеть, если оно... уже есть. Всякое-разное. Там, в голове. В фантазиях, в представлениях. Не могла же она объяснить сестрам, как оно там постепенно сложилось, наслоилось из множества прочитанных книг, пережилось, испро-